

ЕДИНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ЧТО МЕШАЕТ?

Д.Е. Сорокин,

*доктор экономических наук, профессор, и.о. директора Института экономики
Российской академии наук*

Решение о создании единого экономического пространства (ЕЭП) на территории Беларуси, Казахстана, России и Украины продекларировано на всех уровнях государственной власти. Тем не менее практические результаты пока явно не соответствуют заявленным намерениям. Отсюда возникают вопросы: какова объективная природа того, что декларации о создании ЕЭП не перерастают в экономическую действительность? Порождены ли проблемы его формирования трудностями рождения нового, политико-экономической конъюнктурой сегодняшнего дня или имеют более фундаментальное основание? Наконец, существует ли объективная основа для такого пространства? Иначе говоря, отражает ли политика, направленная на его создание, политико-экономические закономерности эволюции этого региона мира? Только имея содержательные ответы на эти вопросы, можно выстраивать реалистическую политику. В этой связи представляется целесообразным обратить внимание на ряд обстоятельств.

Что представляет собой ЕЭП? Наиболее близким примером здесь является экономическое пространство ЕС, в основании которого лежат «четыре свободы»: перемещения товаров, капиталов, рабочей силы и предоставления услуг. Вместе с тем степень реализации этих «свобод» на экономическом пространстве рынка ЕС никогда не была тождественна условиям национальных рынков. Видимо, в политико-экономическом смысле единое экономическое пространство возникло не непосредственно после подписания договора об образовании Европейского экономического сообщества (25 марта 1957 г., Рим), а после вступления в силу соглашений об общем аграрном рынке (1 июля 1964 г.) и Таможенном союзе (1 июля 1968 г.). И хотя сегодня ЕЭП в рамках ЕС – самостоятельная реальность мировой экономики, имеющая особую субъектность в лице ЕС, не тождественную субъект-

ности стран-членов, говорить о том, что в рамках единого экономического пространства «старого» ЕС произошло полное «растворение» национальных экономических пространств, вряд ли правомерно. Процесс институционализации «четырех свобод» продолжается. Таким образом, единое экономическое пространство в рамках ЕС не завершена, а развивающаяся реальность. Значит, не следует отождествлять образование ЕЭП с нынешним качеством экономического пространства в рамках ЕС¹. Видимо, достижение уровня экономического взаимодействия Беларуси, Казахстана, России и Украины, близкого по основным параметрам к уровню единого экономического пространства Европейского экономического сообщества, и будет означать практическую реализацию заявленных целей.

Вместе с тем, хотя политические решения и определяют направления экономических действий, но результативность самих этих решений определяется тем, насколько они отражают объективные политико-экономические интересы субъектов действий. Политика, не учитывающая это обстоятельство, какими бы благими намерениями не руководствовались ее авторы, в долгосрочном плане обречена на неудачу. Соответственно, решения, направленные на совместные экономические действия в рамках «четверки», будут результативны лишь в том случае, если их реализация отвечает

¹ Сегодня в соответствии с уставными документами ЕС, принятыми в Амстердаме (июнь 1997 г.), вступившими в силу 1 мая 1999 г., для обеспечения «четырех свобод» разработаны нормы ЕС (*acquis communautaire*), предусматривающие единые требования к законодательству о компаниях, конкуренции, политике в области сельского хозяйства, рыболовства, транспорта, налоговой системы, постановки статистики, социальной сферы и занятости, энергетики, промышленности, малого и среднего предпринимательства, научно-технического развития, образования и переподготовки кадров, режима телекоммуникаций и информационных технологий, культуры и аудиовизуальных услуг, регионального развития, охраны окружающей среды, защиты потребителей и здравоохранения, таможенного дела, бюджета и финансов, включая финансовый контроль.

фундаментальным политико-экономическим интересам каждого из ее участников.

Решение об образовании общего экономического пространства подразумевает: государства-участники соглашаются с тем, что их устойчивое развитие в современном мире на обозримую перспективу наилучшим образом может быть осуществлено в рамках обособленного экономического союза (экономической общности). Аргументы за такого рода постановку лежат, что называется, «на поверхности» экономической жизни. Назовем лишь некоторые.

Во-первых, создание регионально обособленного общего экономического пространства совпадает с общемировой тенденцией «глобализация–регионализация».

Во-вторых, образование такого пространства позволяет каждому из участников «четверки» воспользоваться эффектом масштаба, необходимого для организации эффективного современного рыночного пространства, чего не хватает ни одному из государств «четверки».

В-третьих, многовековое сожителство в рамках единого государства, приведшее к формированию единого народнохозяйственного комплекса, в рамках которого большинство сегодня независимых государств осуществили качественные позитивные сдвиги в развитии производственно-технологической, научно-технической и социально-культурной сфер, служит материальным фундаментом формирования их экономической общности.

Вместе с тем не следует и упрощать указанную проблему, сводя возникающие трудности лишь к субъективным моментам в деятельности отдельных политических элит, определяемых конъюнктурными соображениями.

Системный кризис российского государства, развившийся в последней трети прошлого века, привел в начале его последнего десятилетия к распаду России в том виде, как она сложилась к середине XIX в. Государства, входящие в СНГ (в том числе и государства «четверки»), представляют собой большие или меньшие «осколки» некогда единого государства. Их перспективы определяются тем, как они смогут преодолеть последствия породившей их геополитико-экономической катастрофы. Приходится признать, что спустя десятилетие после своего образования они еще далеки от этого. Более того, во многих случаях

можно наблюдать развитие негативных процессов.

В этой связи следует отметить, что сегодня траектория эволюции любого социума определяется глобальными тенденциями эволюции человеческого сообщества, с одной стороны, в направлении формирования однополюсного мира, с другой – многополюсного.

Не останавливаясь на последствиях реализации той или иной тенденции, отметим тот факт, что в качестве «полюсов» выступают крупные цивилизационные центры (североамериканский, (западно-)европейский, индийский, китайский, японский, исламский). Остальные государства либо «присоединяются» к тому или иному «полюсу», либо маргинализируются (по мнению ряда специалистов, все еще сохраняется потенциал цивилизационного развития Африки и Латинской Америки).

Соответственно формирование ЕЭП государствами, образовавшимися вследствие распада единой страны, возможно:

- либо вокруг потенциального «полюса», находящегося внутри этого союза (если таковой имеется);

- либо через их включение в ЕЭП с иными «полюсами» современного мира.

Второй вариант на практике будет означать прекращение существования СНГ (в том числе и «четверки») как некоей геополитико-экономической общности. Причина заключается в том, что «вхождение» не только всех участников СНГ, но и государств «четверки» в одно ЕЭП, формирующееся вокруг одного из существующих или нарождающихся «полюсов» современного мира, находящегося за пределами СНГ, практически нереально.

Территориально СНГ, в том числе и «четверка», непосредственно соприкасаются с пятью мировыми цивилизационными центрами: Западной Европой, Китаем, США, Японией и исламской цивилизацией. При этом и СНГ, и особенно «четверка», обладают набором и запасом ресурсов, включающими дефицитные для указанных центров. Для одних – это территориальный ресурс, при том, что «граничные» с иными цивилизационными центрами территории, с одной стороны, удобны для проживания, с другой, в значительной степени «свободны» от населения. Для других – это один из крупнейших в мире минерально-сырьевой потенциал.

Борьба за занятие стратегически приоритетных позиций на постсоветском пространстве неизбежно становится одной из стратегических целей названных цивилизационных центров². Включение в военно-политические и экономические союзы, образованные иными цивилизационными центрами, государств, бывших ранее в составе России на Западе и Юге, требование территориальных уступок и «освоение де-факто» на Востоке – лишь видимые иллюстрации данного тезиса. Ясно также, что США не будут сторонними наблюдателями борьбы за постсоветские ресурсы, результатом которой может стать усиление геополитико-экономических позиций какой-либо из соперничающих сторон, и потому вынуждены уже на нынешнем этапе стремиться обеспечить себе наиболее выгодные «стартовые позиции» для этой борьбы³.

Таким образом, геополитическое положение СНГ таково, что оно неизбежно становится «яблоком раздора» между основными цивилизационными центрами современного мира. Способствуют «растаскиванию» постсоветского пространства по различным цивилизационным центрам и его собственные внутрицивилизационные различия. «Специфика геоэкономического и геополитического положения Российской Федерации в современном мире заключается в том, что <...> различные <...> зоны будут испытывать разные внешние притяжения. Так, регионы европейской части страны и Урал экономически в большей степени ориентированы на объединяющуюся Европу. Для всего Дальнего Востока и значительной части Сибири главное пространство внешнеэкономического сотрудничества – это Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Для российских регионов, приближенных к южным границам – от Северного Кавказа до Восточной Сибири, соседние страны СНГ (а за ними страны мусульманского мира) и континентальный Китай» [3]. Если вместо Российской Федерации поставить СНГ или «четвер-

ку», то этот тезис будет выглядеть еще более правомерным.

Далее возникает вопрос: в каком качестве тот или иной участник СНГ, в том числе и «четверки», собирается присоединиться к ЕЭП «внешних» по отношению к ним «полюсов» современного мира? Не секрет, что сегодня многие из стран-участников СНГ сориентированы на уже существующее общеевропейское экономическое пространство. И если в столице Украины, чья географическая принадлежность к Европе никогда не вызывала сомнений, периодически примеряют форму участника ЕС, то в Астане можно слышать рассуждения о том, что Казахстан имеет не меньшее право претендовать на это участие, чем Турция, являющаяся страной-кандидатом, поскольку у последней доля территории, географически входящей в Европу, меньше, чем у Казахстана. Однако, несмотря на то, что сегодня границы ЕС вплотную подошли к трем из четырех участников «четверки», дело, по общему признанию, движется не легче, чем внутри самой «четверки». Может быть, дело в исторической памяти⁴. А может, в складывающейся политико-экономической реальности, которая исторически отводила региону СНГ место поставщика сырьевых ресурсов. Как отмечал Ф. Бродель, этот регион еще «с началом XVI века конъюнктура <...> обрекла <...> на участь колониальную – участь производителя сырья» [7].

Многие аспекты взаимоотношений Европы со странами-участницами СНГ на рубеже веков уже после того, как последние перестали быть социалистическими и активно демонстрировали свою приверженность «общечеловеческим» (в их западной оболочке) ценностям, позволяют и сегодня говорить о правомерности данного тезиса. Объективные исследователи вынуждены делать вывод, что

⁴ Об этом полтора века назад писал Н. Я. Данилевский, считавший, что «враждебность (России, из которой вышло СНГ, и Европы. – Д.С.) <...> кроется в глубокой розни, существующей между мирами Славянским и Германо-Романским, – розни, которая проникает до самых оснований общего плана развития всемирной истории» [4]. Кстати, видимо, наследством этой исторической памяти можно объяснить позицию европейца Ф. Энгельса, считавшего россиян середины XIX в. «варварами», стремившимися организовать покорение Европы славянами, и потому не оставлявшего ей (Европе) иного выбора, кроме как «разрушение навсегда <...> России» [5]. Сохранение этой позиции Европы подтверждал в XX в. Й. Шумпетер, который в самом начале «холодной войны», выступавшей в оболочке борьбы двух противоположных социально-экономических систем, напротив, указывал, что для Запада «российская проблема состоит не в том, что Россия – социалистическая страна, а в том, что она – Россия» [6].

² «Среди угроз и вызовов несомненный приоритет принадлежит стремлению западной постиндустриальной цивилизации прорваться к новым источникам ресурсов на постсоветском пространстве. Ставится задача не только подчинить эксплуатацию этих ресурсов требованиям функционирования мировых воспроизводственных центров, но также максимально не допустить Россию к участию в распределении мирового дохода, формируемого в этих циклах» [1].

³ Подборку материалов, иллюстрирующих данный тезис, см. в [2].

«трудно сказать, когда станет возможным формирование единого европейского рынка. При чем главным препятствием здесь, как представляется, служит вовсе не позиция российского бизнеса, опасющегося конкуренции со стороны европейских товаропроизводителей. Опыт взаимоотношений с ЕС и европейским бизнесом позволяет сделать вывод, что наши западные партнеры в гораздо большей степени опасаются появления российских товаров на своих рынках» [8]. Конкретными примерами последнего времени являются квоты по поставкам товаров ядерного цикла, энергоресурсов⁵, легированных сталей, технологические запреты для полетов российских самолетов. И чем это отличается от ситуации, описанной почти три века тому назад для того, кто «прорубил окно в Европу: «Я чаю, что и все европейские жители не рады нашим кораблям, им то надобно, чтоб они одни славились и богателись, а мы б от них из рук глядели» [10]⁶.

⁵ Которые, в частности, ставят под вопрос освоение Штокмановского месторождения газа, способное стать источником до 90 млрд куб. м газа в год для Европы [9].

⁶ Координатор форума «ЕС – Россия», руководитель отделения Германского общества внешней политики, автор книг о В.В. Путине «Немец в Кремле» и «Партнер в Кремле» Александр Рар в интервью «Московским новостям» в связи с Брюссельским саммитом России и ЕС (ноябрь, 2002 г.) заявил: «После короткого периода колебаний Запад встал на позицию, что Россия все-таки чужая – слишком большая, слишком двусмысленная. С Россией разговаривают вежливо, но чаще всего просто отмахиваются от нее. Я думаю, к сожалению, что именно этим термином – «отмахивания» друг от друга – можно определить все нынешние отношения между Евросоюзом и Россией. Проходят саммиты, политики встречаются, обнимаются, все друг друга хорошо знают, но чувствуется отчужденность друг от друга. Впервые за много веков Россия не грозит прямое нападение со стороны Европы. Тем не менее возникает не менее опасная косвенная угроза. На Европейском континенте, где Россия, начиная с Петра Великого, имела свое историческое место, ее начинают вытеснять и обращаться с ней как с государством, которое в главный клуб не войдет. Смотрите, вскоре даже такие государства, как Люксембург или Эстония, будут иметь право голоса и вето в вопросах развития ЕС и НАТО. А у России этого права не будет. На что это похоже? Это пренебрежение интересами России, но выхода из этого положения я не вижу. Россия не может стать членом Евросоюза или НАТО, а другого по-настоящему влиятельного клуба типа ОБСЕ или другой подобной структуры сегодня просто нет. Это очень неприятный момент. Кроме того, Запад сейчас стал всерьез бороться с преступностью и отмыванием денег, и на западных границах России может возникнуть новая экономическая стена. Европа будет остерегаться всего, что идет из России, и отстраивать свое благополучие за счет ее природных ресурсов. Все это отразится и на людях. Например, визы получать будет все труднее и труднее. Может создаться очень недружелюбная обстановка. И это может произойти очень быстро» [11].

Хотя в вышеприведенных высказываниях речь идет о России и РФ, но представляется, что это в полной мере может быть отнесено и к другим странам-участницам СНГ.

В этом свете изначально безуспешными являются потуги «разъяснить» ЕС, что страны-участницы СНГ сегодня иные и потому должны стать полноправными членами европейской интеграции. Такие попытки предпринимались и в позапрошлом веке. Их бессмысленность тогда же была отмечена Н. Я. Данилевским, считавшим, что «еще в моде у нас все относить к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России <...> Почему же Европа, которая все знает от санскритского языка до ирокезских наречий, от законов движения сложных систем звезд до строения микроскопических организмов, не знает одной только России? <...> Европа не знает, потому что не хочет знать; или, лучше сказать, знает так, как знать хочет <...> Смешны эти ухаживания за иностранцами с целью показать им Русь лицом, а через их посредство просветить и заставить прозреть заблуждающееся и ослепленное общественное мнение Европы <...> Просвещение общественного мнения книгами, журналами, брошюрами и устным словом может быть очень полезно в этом отношении, как и во всех других, только не для Европы, а для самих нас <...> Для Европы это будет напрасный труд: она и сама без нашей помощи узнает, что захочет и если захочет узнать» [4. С. 40].

Конечно, можно возразить, что если государства Центральной и Восточной Европы стали полноправными участниками общеевропейского экономического пространства, то чем отличаются от них, если не РФ, то Беларусь и Украина? Однако следует вспомнить, что Европа (западная) веками формировала из этих государств буфер меж-

⁷ А. Дж. Тойнби так описывал историю этого процесса: «В XIV и XV вв. западнохристианское польско-литовское правление распространилось на значительные исконно русские области, превратив Москву в приграничную крепость, противостоящую экспансии западного христианства. Политическое наступление Запада на русские владения подкреплялось церковным вторжением <...> Эти две институциональные структуры – политическая и религиозная – склонили на сторону Запада часть населения России и открыли пути западному культурному влиянию. Исконно русские территории, подвергшиеся облучению западноевропейской культурной радиацией, стали предметом неутраченного военного спора между русским унитарным государством и западноевропейскими державами. В результате борьбы России удалось вернуть под свой суверенитет земли, которые долгие годы находились под западным правлением. Однако военные и политические победы еще не гарантировали возвращения этих территорий в лоно былой культуры. Более того, благодаря последовательной пропаганде западной культуры вестернизации начали подвергаться даже внутренние земли Московии» [12].

ду собой и Россией⁷. Находясь под ее (Западной Европы) влиянием, пронизываемые ее культурной экспансией, народы этих государств в большей степени ощущают себя европейцами, отождествляют свои интересы с интересами европейского Запада. Не случайно распад так называемого социалистического содружества рассматривался восточноевропейскими, в том числе славянскими государствами, а также значительной частью населения западных регионов Беларуси и Украины как освобождение от российского влияния и шел под лозунгом «Назад в Европу» (кстати, из этого следует, что Россия в сознании, по крайней мере, значительной части проживающего там населения рассматривалась в качестве не-Европы). В данной связи Беларусь и Украина теоретически имеют большие, чем любые другие участники СНГ, шансы включиться в ОЕЭП, но только в роли дополнительных «буферов». «Буферность» же восточно-европейских государств ясно видна из характера условий их приема в состав ЕС.

Все это, конечно, ни в коей мере не означает какого-либо «запрета» на включение стран-участниц СНГ в различного рода политические, экономические и даже военные союзы с ЕС. Наоборот, можно предположить, что такого рода развитие событий будет даже инициироваться и стимулироваться ЕС. Другой вопрос, что вхождение стран-участниц СНГ в эти союзы, их интеграцию в рамках ЕС неизбежно в силу имманентно присутствующей европейской цивилизационной исторической траектории будут рассматривать как механизм «освоения» новых территорий в ходе своей ресурсной экспансии, соответственно «приспосабливая» к ней (экспансии) конфигурацию социально-экономических и технологических систем государств, находящихся на осваиваемой территории.

Иной вариант – образование самостоятельного ЕЭП в рамках СНГ, на что, собственно, и нацелена инициатива «четверки». Но такое пространство, как было отмечено выше, может быть образовано лишь вокруг потенциального «полюса» современного мира, находящегося «внутри» СНГ.

В силу ряда геополитико-экономических обстоятельств таким потенциальным полюсом реально может стать лишь Российс-

кая Федерация, единственная из стран СНГ, обладающая ресурсным (в самом широком смысле этого понятия) потенциалом, достаточным, чтобы стать великой мировой державой по критериям XXI в. При этом вышеуказанные обстоятельства определяют возможность сохранения целостности самой Российской Федерации лишь при условии, что последняя сможет обеспечить свой статус как великой державы. «Россия может либо возродиться как великая держава (великая по своему политическому влиянию в мире, по уровню экономического развития, материального достатка и духовности, по гордости, вызываемой как у своих сограждан, так и у остальных народов), либо перестать быть Россией» [13]. Аналогичной позиции придерживаются и такие авторы, как Г.Х. Попов [14] и С.М. Рогов [15].

Однако реализовать потенциал в этом направлении вне объединения своих возможностей с возможностями других участников СНГ для Российской Федерации будет крайне затруднительно, если вообще реально. Речь идет о том, что государства складываются не случайным образом, а отражают некие объективные исторически сложившиеся условия (в том числе воспроизводственные) их существования. Правомерность такой постановки, на взгляд автора, определяется такими фактами, как сохранение целостности Великобритании, несмотря на потерю ею своих заморских территорий, и одновременно решительное (в том числе военное) подавление ее правящими кругами всякой мысли об отделении Северной Ирландии (похожая ситуация с заморскими территориями Испании и Страной басков). Аналогично для России продажа юридически являющейся ее территорией Аляски не сказалась на ее статусе великой державы того времени.

Представляется, что указанные и подобные факты определялись именно тем обстоятельством, что «отпавшие» территории, хотя юридически и входили в соответствующие государства, не являлись исторически присутствующими им с точки зрения общественно-воспроизводственного процесса в качестве их органической части. И совсем иное дело для этих же государств представляют территории, отпадение которых может поставить вопрос о сохранении ими своей особой исторически сложив-

шейся органической целостности вследствие разрушения общественно-воспроизводственного процесса, являющегося материальной основой этой целостности.

С этой точки зрения, нынешние границы РФ «узки» по политико-экономическим меркам для ее становления в качестве одного из «полюсов» современного мира. В частности, как представляется, необходимо в полной мере осознать тот факт, что материально-техническая база СССР создавалась как целостная самодостаточная воспроизводственная система, которая, несмотря на всю свою диспропорциональность, обусловленную часто неоправданным гипертрофированным развитием одних отраслей в ущерб другим, вполне могла бы послужить «стартовой площадкой» для решения задач сегодняшнего дня. Вследствие распада СССР целостность этой воспроизводственной системы нарушена. Тогда приоритетной задачей для РФ становится восстановление этого органического единства, что по большому счету в интересах всех его «частей», которые по воле сложившихся обстоятельств «разъединены» (другой вопрос – в каких формах и при помощи каких механизмов, адекватных реалиям XXI в., должно происходить это «воссоединение»).

Таким образом, в ЕЭП заинтересована прежде всего Российская Федерация. Поэтому именно за ней объективно закрепляется роль катализатора восстановления единого экономического пространства. Отсюда важнейшим направлением экономической политики Москвы должно стать нахождение механизмов, обеспечивающих заинтересованность правящих элит остальных участников СНГ в содействии такой политике. Первым же и главным шагом здесь должно стать ясное обозначение самой Российской Федерацией своей социально-политической стратегии, направленной на ее становление в качестве одного из полюсов современного мира, и в этом аспекте определение стратегических приоритетов по отношению к СНГ.

К сожалению, на сегодняшний день официально принятой стратегии социально-экономического развития Российской Федерации не существует. В рамках же принимаемых годовых и среднесрочных (2–4 года) планов-прогнозов масштабные, в том числе и во времени, проекты, а к таковым относятся те, которые

должны способствовать становлению страны в качестве одного из полюсов мирового развития на базе формирования единого экономического пространства в рамках СНГ, «не вмешаются». Поэтому затраты на их осуществление выглядят как вычет из имеющихся ограниченных ресурсов со всеми вытекающими из такого подхода последствиями. Видимо, не случайно в Сценарных условиях социально-экономического развития Российской Федерации на 2005 г. и на период до 2007 г., подготовленных Министерством экономического развития и торговли Российской Федерации к заседанию Правительства 25 марта 2004 г., нет никакого упоминания о проекте ЕЭП [16]. Но в таком случае экономическое единство СНГ, в том числе и проект ЕЭП в рамках «четверки», теряет реальное экономическое основание.

Это, в свою очередь, означает, что экономический эффект от мероприятий по формированию единого экономического пространства, в принципе, не может (и не должен) рассматриваться в краткосрочном периоде. В этом разница его (экономического эффекта) определения со стороны частного и общественного капиталов. Реализация подобного подхода требует политиков, чьи горизонты видения простираются существенно дальше рамок очередного выборного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузык Б. Россия на рубеже XXI века: стратегия в условиях новых геополитических вызовов // Экономические стратегии. 2000. № 1. С. 29.
2. Козловский Е. Минерально-сырьевая база России в свете национальной безопасности // Промышленные ведомости. 2001. № 24–25. С. 4.
3. Гранберг А. Стратегия территориально-социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 21–22.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. 6-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета. Изд-во «Глагол», 1995. С. 398.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 470; Т. 11. С. 202–203.

6. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. Пер. с англ. М.: Экономика, 1995.

7. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII веков. Т. 2. М., 1988. С. 259.

8. Мау В., Новиков В. Отношения России и ЕС: пространство выбора или выбор пространства? // Вопросы экономики. 2002. № 6. С. 142.

9. Христенко В. Экономическое взаимодействие России и ЕС // Вопросы экономики. 2002. № 6. С. 144.

10. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2001. С. 330.

11. Рар А. На расстоянии руки // Московские новости. 12–18 ноября 2002 г. № 44. С. 13.

12. Тойнби А. Дж. Постигание истории / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.

13. Абалкин Л.И. Поиск пути в меняющемся мире. Избр. труды. В 4 т. Т. IV. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. С. 220.

14. Попов Г. Х. Будет ли у России второе тысячелетие. М.: Экономика, 1998. С. 107–109.

15. Россия – XXI век (материалы Всероссийской научной конференции) // Экономист. 1998. № 1. С. 10; Россия – XXI век // Экономист. 2000. № 1. С. 9.

16. <http://www.gov.ru/main/ministry/isp-vlast47.html>

